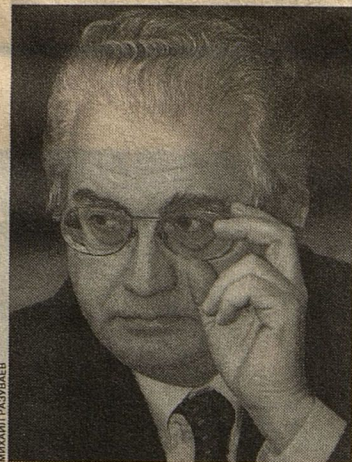

04.07.05
Михаил
Пиотровский

Михаил Пиотровский: надо решать это спокойно, даже цинично — по системе торга

После публикации в „Ъ“ 30 июня статьи о шести витражах из спецхрана Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина (ГМИИ), которые могут оказаться частью витражного комплекса из Мариенкирхе во Франкфурте-на-Одере, хранившегося до недавней передачи Германии в Эрмитаже, директор Эрмитажа МИХАИЛ ПИОТРОВСКИЙ прокомментировал ситуацию корреспонденту „Ъ“ АННЕ ТОЛСТОВОЙ.

МИХАИЛ ПИОТРОВСКИЙ

Боготический собор Девы Марии (Мариенкирхе) во Франкфурте-на-Одере знаменит тремя витражными окнами XIV века, одно из которых уникально по своей иконографии, так как представляет историю Антихриста. В 1943 году, с началом союзнических бомбежек Франкфурта, витражи демонтировали и перевезли в Потсдам, где их вместе с другими художественными ценностями конфисковала после войны советская армия. 111 из 117 фрагментов витражей попали в Эрмитаж, 6 частей считались пропавшими. Правительство ФРГ неоднократно просило вернуть витражи, но только весной 2002 года Госдума РФ приняла закон об их возвращении Германии. В ответ немецкая компания «Винтер-

скалл» профинансировала реставрацию новгородской церкви Успения на Волотовом поле, разрушенной во время войны. Однако недавно стало известно, что шесть недостающих витражей могут находиться в ГМИИ — такое заявление сделал „Ъ“ бывший ученый секретарь музея Андрей Воробьев.

— Вы догадывались, что шесть недостающих витражей из Мариенкирхе могут храниться в Пушкинском музее?

— После вашей публикации я поговорил с Ириной Александровной Антоновой (директор ГМИИ. — „Ъ“). Весьма вероятно, что там есть некоторые витражи из Мариенкирхе. Не надо де-

лать из этого сенсацию — это только вредит решению проблемы перемещенных ценностей. Когда мы исследовали наши витражи, возникло предположение, что где-то должно быть еще несколько частей, но нужно все тщательно исследовать и убедиться, ведь речь идет уже о юридическом вопросе. Из музейного фонда России вещи могут уйти только в двух случаях — по решению суда и по ошибке. Поэтому тут торопиться не стоит. Витражи Мариенкирхе были возвращены Германии по федеральному закону, принятому Госдумой. Я твердо уверен в том, что по всем вопросам о перемещенных культурных ценностях должны приниматься федеральные законы — это очень серьезная вещь с большими политическими последствиями в будущем. Решение Дума приняла в полном соответствии с российским законом о перемещенных культурных ценностях, который германская сторона, кстати сказать, не признает: витражи возвратили как церковное имущество.

Если витражи в ГМИИ действительно из Мариенкирхе, то тогда предстоит такая же процедура: предъявление пре-

тензий германским правительством, разбирательство на межведомственной комиссии, передача вопроса в Госдуму. Действовать возможно только законным путем: это обеспечит сохранение национально-го интереса России, а не отдельных политиков или деятелей культуры. Я думаю, что витражи Мариенкирхе должны быть добавлены к тем, что уже перевезены в Германию. Помоему, вопрос с Мариенкирхе был решен правильно: есть вещи, которые Германии важнее, чем нам, а есть вещи, которые нам нужны — и мы их никогда не отдадим.

— Лучшие специалисты по витражам Мариенкирхе работают сегодня в Эрмитаже. Будут ли допущены ваши хранители и реставраторы к экспертизе витражей из ГМИИ?

— Не знаю, если возникнет нужда, наверное, будут. Действительно, лучшие специалисты по витражам — в Петербурге, и мы работаем в тесном контакте с немецкими коллегами; только что там восстановили одно окно, наши реставраторы туда ездили. Франкфурт-на-Одере очень благодарен нам за то, что было сделано. При реставрации

они применяют те же методы и даже для сбора средств на нее придумали показывать отреставрированные нами витражи рядом с остальными, в плохом состоянии. Хотя в этом вопросе между музейными работниками и политиками были разногласия. У нас имелся совместный российско-германский проект по реставрации: отреставрировать все здесь, выставить и только потом везти в Германию. Но германские политики потребовали немедленного возвращения всех витражей и именно в плохом состоянии.

— Немцы были заинтересованы в возвращении витражей в плохом состоянии по политическим мотивам?

— Кому-то действительно хотелось продемонстрировать, что мы воры, не умеем обращаться с культурными ценностями и должны вернуть награбленное. Ведь если мы эти вещи изучаем и реставрируем — значит, мы не грабители. Наша позиция принципиально другая: мы конфисковали значительную часть германского культурного наследия с территории Пруссии и Саксонии в качестве компенсации за наше уничтоженное культурное наследие. И поэтому разговоры

должны вестись как бы с нуля, а не с позиции «украли — отдайте». Чем дольше мы ведем всякие споры, тем меньше возможности совместно реставрировать эти вещи, а ведь многие из них в этом остро нуждаются. Нужно делать совместные выставки вроде «Неведомых шедевров» или «Шлиман—Троя—Петербург», но эти планы все время наталкиваются на противодействие политиков. После того как изданы музейные каталоги, почти никто не предъявляет претензий. Вещи доступны и научно исследованы. Мы сейчас готовим совместную российско-германскую выставку про Меровингов и Великое переселение народов; надеюсь, в ней будут участвовать Исторический музей и ГМИИ. Имеются и другие планы. У Германии есть проект создания российско-германского культурного института, чтобы совместными усилиями изучать то, что у нас есть, давать рекомендации к реставрации, готовить выставки. Эти проблемы должны переходить в план спокойного музейного разговора, без истерики.

— Отношение к хранящимся у нас перемещенным ценностям как к награблен-

ным, очевидно, связано с тем, что они скрывались?

— Конечно. У нас есть только один грех: то, что мы это не показывали. Это большой музейный грех, и его нужно исправлять. Что касается остального, Россия никаких преступлений не совершила. Страсти раздуваются людьми, которые, как правило, не ходят на выставки. Речь идет о вещах музейного характера — вещей ранга национальных символов здесь почти нет. Поэтому надо решать это спокойно, даже цинично — по системе торга и с обязательным участием Думы. Есть общая схема, которая обеспечивает соблюдение национального интереса России, а в каждом конкретном случае он может быть разным. Например, в случае в Мариенкирхе возврат был нормальным шагом: нам это было никогда не выставить, кроме того, создалась атмосфера, которая способствовала вложению немецких денег в реставрацию церкви Успения на Волотовом поле. В случае балдинской коллекции (собрание западноевропейского рисунка, на возвращение которого давно претендует Германия. — „Ъ“) наш интерес — получить часть рисунков, кото-

рые заполняют лакуны в собрании Эрмитажа, остальное — отдать в Бремен.

— А получил ли Эрмитаж компенсацию за витражи Мариенкирхе?

— Да, получил. Нашим законом компенсация предписана, и мы обязаны ее требовать. Когда мы посчитали, сколько Эрмитаж потратил на реставрацию и выставку (это принципиально: без выставки и публикации ничего нельзя передавать, потому что тогда мы действительно будем выглядеть бандитами), получилась сумма примерно \$400 тыс. Но кое-кто из наших политиков счел, что мы просим слишком много. Это для нас оскорбительно: мы вообще-то четко и правильно считаем деньги. Потом в Германии стали говорить, что они столько дать не могут. В итоге какую-то компенсацию мы получили, но мне кажется, что в этих вещах мелкое крохоборство выглядит некрасиво. Нам здесь важно сохранить национальное достоинство, лицо России. И не стоит использовать для борьбы за какие-то финансовые потоки такие деликатные, связанные с национальным самосознанием вопросы.

Космос-пресс 2 - 2005 - 4 июля - с. 13.

305